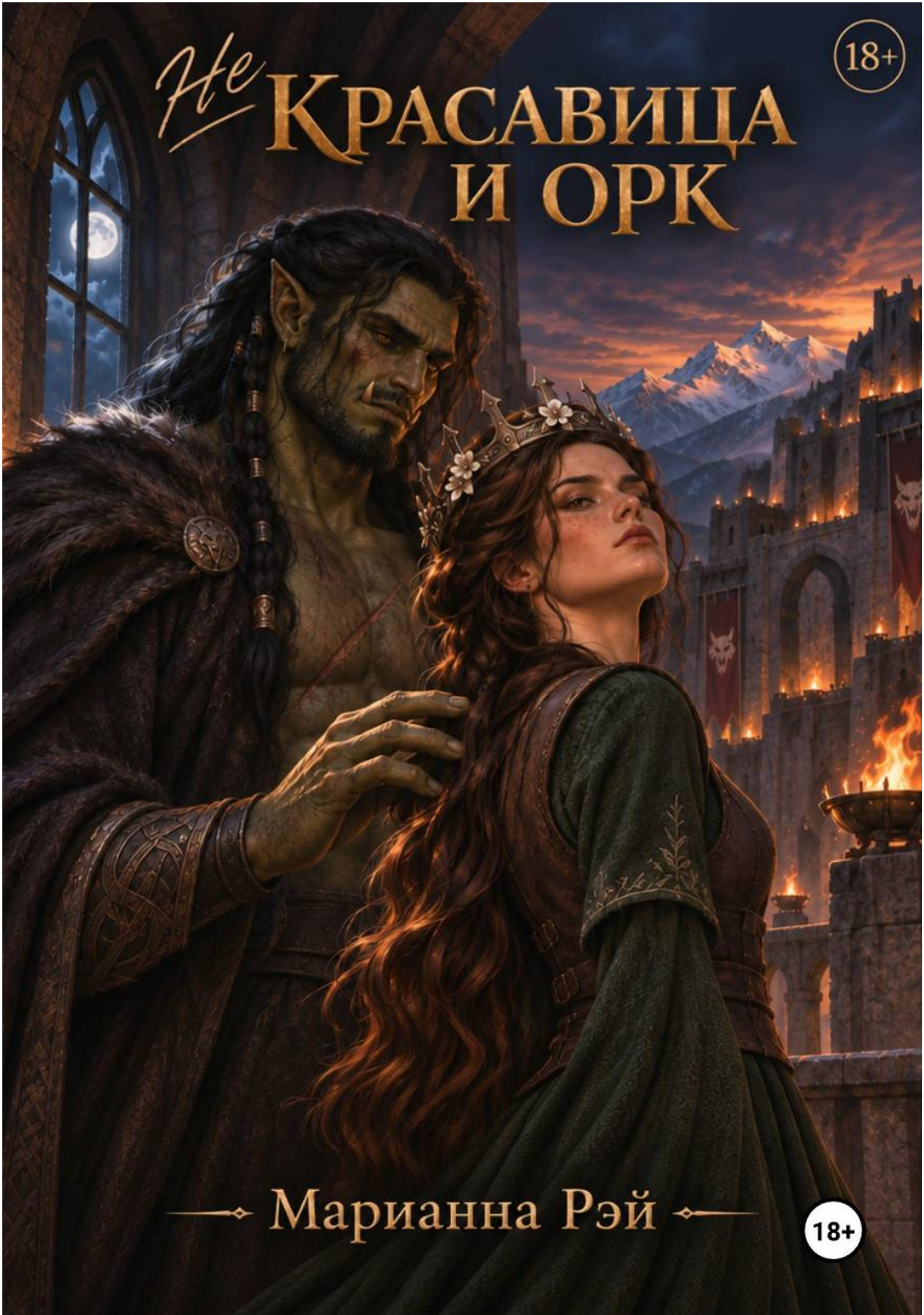

18+
Не Красавица и орк
Марианна Рэй
18+

Марианна Рэй

Не красавица и орк

«Автор»
2026

Рэй М.

Не красавица и орк / М. Рэй — «Автор», 2026

Эльвира не героиня. Она всего лишь сирота, приживалка в доме дяди, девушка без будущего. Когда её кузину Селину выбирают невестой Царя орков, о котором говорят, что он ест девушек заживо, Эльвира вызывается поехать вместо неё. Не из благородства. Из злости. У неё есть нож, яд в подкладке и план: узнать правду и убить чудовище.Но всё сразу идёт не так.Чем больше она узнаёт правду о проклятии орков, о мёртвых невестах и о том, почему Царь не может её коснуться, тем яснее понимает: чудовище — не он. И теперь у неё есть выбор: довести до конца свою месть или спасти мир, который её предал.

© Рэй М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приговор 5
Глава 2. Сделка 11
Глава 3. Свитки 18
Глава 4. Тело как инструмент 21
Глава 5. Оружие в тени 24
Глава 6. Прощание 27
Глава 7. Путь в Скалистые земли 31
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Марианна Рэй
Не красавица и орк

Глава 1. Приговор

Я не героиня. Никогда ею не была.

Я стояла в алькове за статуей Дианы уже третий час. Мои колени горели так, будто я молилась.

Не молилась. Просто стояла, вжавшись спиной в холодный камень, втянув живот, дыша через раз. Пыль оседала на языке. Ладан такой густой, что его можно резать ножом, а воск с сотни свечей капает на мрамор с мягким щелчком. Щёлк, щёлк, как счёт, который кто-то ведёт за меня.

За стеной плакала Селина.

Она плакала тихо. Она никогда не плакала громко. Её восемь лет учили не плакать громко, потому что богиня не рыдает, богиня скорбит красиво. Но я слышала. Я всегда слышала её сквозь стены, это единственный талант, которым меня наградили боги: слышать то, что не предназначено для моих ушей.

— Тише, дитя. Тише. — Голос тёти Ирмы, мягкий, как вымоченный лён. — Ты опухнешь. Утром приедет портной.

— Мне всё равно.

— Не всё равно. Ты — лицо княжества.

— Я — мясо, — произнесла Селина сквозь слёзы, а я зажмурилась.

Вот так. Одним словом. Я могла бы гордиться ею, ведь она гораздо умнее, чем от неё ждут, если бы это слово не было правдой.

Через щель между статуей и колонной я видела её: сидит на скамье у алтаря, волосы рассыпаны по плечам, как расплавленное золото. Восемнадцать лет и такая красота, из-за которой в комнату входят и замирают.

— Мама, — всхлипывая, говорит она тихо. — Он же ест их.

— Не говори так.

— Все говорят. Тильда говорит, что прошлую невесту вынесли из шатра по частям. — Голос сорвался. — Мне всего восемнадцать!

Тётя Ирма молчала.

Это было худшее, что она могла сделать. Она молчала, потому что не могла сказать «нет».

Я знаю, что она сейчас делала руками. Она всегда так делала, когда не знала, что сказать: складывала пальцы в замок и сжимала так, что белеют костяшки. Я видела это тысячу раз за обеденным столом, когда дядя Торен говорил очередную глупость. У его постели, когда тот был на грани жизни и смерти, тяжело заболев. На площади, когда объявляли, что княжество снова должно платить за перемирие.

Наверное, поэтому я и не вышла. Не могла смотреть, как она сжимает пальцы.

Я отступаю в глубь алькова, и подошва скрипит по камню очень тихо, но в этой тишине это как крик. Я замираю. Сердце бьётся где-то в горле.

За стеной всхлип.

— Кто там? — Голос тёти Ирмы стал резким.

Я не дышала.

— Никого, — сказала Селина. — Это Богиня. Она всегда скрипит, когда злится.

Пауза. Потом короткий, мокрый смешок. Тётя Ирма смеётся и тут же плачет. Я слышу, как она поднимается, как шуршит её платье, как она говорит что-то утешительное и бесполезное.

Я выскользнула прежде, чем они вспомнили, что в храме есть другие двери.

Коридор за алтарём пахнет мокрым камнем и старой бумагой. Здесь нет свечей. Жрицы говорят, что богине не нужен свет в местах, куда не ступает её нога. Я говорю, что жрицы просто экономили восемнадцать лет назад, когда строилась эта галерея.

Я шла на ощупь, вдоль стены, считая выступы: три, потом поворот, потом ещё семь, потом ниша, в которой всегда сквозит.

Я знаю этот храм лучше, чем его жрицы. Это тоже, наверное, талант или проклятие.

Её выбрали воплощением Богини на Земле восемь лет назад, весной.

Я помню это лучше, чем лицо своей матери. Мне до сих пор стыдно за такую память.

Жрицы шли вдоль рядов, все в белом. Дети стояли смирно, как их учили: руки в замок, глаза в пол. Одна Селина жевала.

Слива. Сок на подбородке, липкие пальцы, лицо, полное совершенно неуместного удовольствия.

Мирабелла остановилась напротив неё.

— Вот эта, — сказала Верховная жрица.

Толпа выдохнула. Кто-то заплакал от счастья, а тётя Ирма упала на колени прямо в пыль. Восемь лет назад это была честь. Соседи приходили поздравлять. Дядя Торен заказал новые ворота.

Никто не сказал тогда, что богиня выбирает не для себя.

— Почему она? — спросила я потом у жрицы, которая раздавала детям хлеб.

— Богиня выбирает не самую красивую, — ответила та. — Богиня выбирает голодную.

Мне было двенадцать, я подумала, что это просто красивые слова.

Сейчас мне двадцать. Я знаю сейчас, что это просто способ сказать: «возьмём ту, которая не станет сопротивляться».

Дверь в мою комнату не закрывается с тех пор, как я в неё вошла три года назад. Я повесила плащ на крюк, села на кровать, с которой видно крышу конюшни, и позволила себе минуту ничего не делать.

Минута получилась короткой.

За окном конюх выводил лошадь. Я посмотрела на неё и подумала о том, как странно, что мир продолжается. Что где-то куют подковы, солят рыбу, спорят о цене на шерсть. Что через два месяца какая-то девочка с золотыми волосами сядет в повозку и поедет на север в дикие горы, а мир продолжит ковать подковы.

Я не помнила свою семью целиком.

Это самое честное, что я могу сказать о себе. Это самое стыдное. Я помню отца, но не лицо, а руки: широкие, с обломанным ногтем на левом большом пальце, он вечно за что-то цеплялся. Помню, как он держал меня за плечо и говорил: «Держи голову гордо, Эльвира. Если ты держишь нос кверху, они не поймут, что тебе страшно». Помню мать — не лицо, а запах: полынь и что-то ещё, травяное, от которого кружилась голова. Она была повитухой. Её руки всегда пахли полынью и молоком.

Брата я тоже помню. У него были отцовские руки с маленькими запястьями и дырка вместо переднего зуба. Он был шустрым и смеялся так, что было слышно за три дома. Ему было двенадцать.

Три года назад орки сожгли наш гарнизон.

Не наш — мой. Городок, где я родилась, где отец командовал стражей, где мать принимала роды у всех, кто звал. Она брала плату курицей или яйцами, если не было монеты. Я была в это время в монастыре, в двадцати милях, за перевалом, потому что отец настоял: «Ты

слишком много читаешь, чтобы пасти коз». Он хотел для меня другой жизни. Он, наверное, думал, что в монастыре есть другая жизнь.

Монастырь — двадцать миль и одна ночь пути.

Утром я стояла на пепелище и не понимала, почему пепел такой тихий.

Прожив три года с этим, я могу сказать одно: горе, это не слёзы. Горе — когда знаешь, что должна чувствовать что-то, а ты не чувствуешь. Ты боишься, что это навсегда. Первые полгода я ничего не чувствовала, только считала: сколько дней, сколько людей, сколько шагов до колодца. Потом почувствовала. Лучше бы не чувствовала.

Дядя Торен забрал меня через месяц. Не из-за большой любви к племяннице. Он проговорился однажды, пьяный, за столом, когда думал, что я уже ушла: «Сирота в доме, как знамя. Дёшево и выглядит благородно».

Я вернулась к столу и попросила добавки.

Так я научилась одному: никогда не давай им увидеть, что ты услышала. Никогда не давай им увидеть, что тебе больно. Держи голову гордо.

Я держала голову высоко и гордо.

Селина пришла ко мне после ужина.

Вошла без стука, как всегда, рухнула на мою кровать лицом в подушку. Платье мятое, шпильки торчат вкривь и вкось, половины нет.

— Я выкинула их в фонтан, — сказала она в подушку.

— Все?

— Сколько нашла в темноте.

Я сажусь рядом, она поворачивает голову. Я вижу её лицо: заплаканное, злое, с красными пятнами на скулах. Она так похожа на тётю Ирму в такие моменты, что мне становится не по себе.

— Мама будет молиться всю ночь, — сказала она. — Отец будет снова всё считать. А я... — Она сглотнула. — Эль, я не хочу.

Проклятье. Я ничего не ответила. Что тут скажешь? «Я знаю»? Конечно, она знала, что я знаю.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок. Безжизненным голосом произнесла:

— Расскажи, как меня выбрали.

— Ты это слышала сто раз.

— Расскажи.

Я вздыхаю. Она просит меня об этом уже третий раз за месяц. Я рассказываю каждый раз одинаково, потому что она просит одинаково. Будто надеется, что в этот раз история закончится иначе

— Была весна, — начала я. — Ты стояла в первом ряду и ела сливу. Все дети стояли смирно, а у тебя было лицо в соке.

— Ты врёшь, — хмыкнула Селина. — В прошлый раз был пирог.

— Значит, пирог.

Она слабо ударила меня подушкой, без замаха. Я отобрала подушку, подложила себе под спину. А она устроилась у меня под боком, как в детстве. Я молча гладила её по волосам.

— Эль.

— Мм.

— А если бы выбрали тебя?

— Меня бы не выбрали. — Я продолжала гладить её по волосам. — Богиня выбирает голодных, а я тогда была сытой девочкой с книжкой в кармане. Мне просто повезло меньше. Или больше.

Она не засмеялась.

Я тоже.

Три года назад у меня были отец, мать и брат, и дом, где пахло полынью и молоком.

Ночью я не спала.

Это тоже было не ново, я плохо спала с пепелища. Вставала, набрасывала плащ поверх рубашки и шла в галерею за алтарём, где было узкое окно и видно плато над северными воротами. Если лечь на подоконник, можно вообразить, что лежишь на краю мира.

Я почти дошла до окна, когда услышала голоса.

Громкие, уверенные, что здесь никого нет. Здесь правда никогда никого нет, кроме меня и мёртвого мрамора.

Первый я узнала сразу. Дядя Торен. Второй — Мирабелла, Верховная жрица: голос медленный, глубокий, как вода в колодце.

Я вжалась в колонну и перестала дышать.

— ...нужно провести церемонию заранее, — упрямо говорил Торен.

— Это нарушит порядок.

— Порядок нарушится тем, что она сбежит. Или бросится в реку, как дочь восточного наместника. Вы хотите, чтобы у ворот стояли посланники Царя и смотрели на пустое место?

Молчание. Я слышу, как Мирабелла переставляет свечу. У неё привычка трогать воск большим пальцем, я замечала.

— Есть другой путь, — понижает голос она. — Закон о замене.

— Закон о замене, — протяжно повторяет Торен. В его голосе звучит что-то скользкое. Как будто он шёл к этому разговору, а теперь делает вид, что его занесло случайно.

— Родственник невесты может предоставить другую девушку, которая согласится добровольно, — говорит Мирабелла. — Сама. При двух свидетелях, при жрице, при печати. Нужно внести выкуп в казну храма. Выкуп огромный, врать не буду: за тридцать лет им пользовались дважды. Оба раза это разоряло семьи вчистую.

— Насколько огромный?

— Вы знаете, насколько.

Тишина. Я слышала, как он дышит. По этому тяжёлому дыханию понимала: он уже посчитал. Он всегда считал.

— У меня нет таких денег, — сказал он наконец. — Вернее, есть. Но тогда мне нечем платить гарнизону. Моя крепость станет декорацией.

— Тогда молитесь, чтобы ваша дочь дожила до весны.

— А если найдётся замена? — Быстро. Слишком быстро. — Выкуп всё равно? Или... символический?

— Закон говорит «выкуп». Не «выкуп по желанию».

— А если человек, который её отдаёт, сам княжеский советник? — спрашивает Торен. Именно теперь я слышу в нём то, что искала. Азарт. — Разве я не могу оценить потерю по совести?

— Вы не отдаёте её. Вы её... предоставляете.

— Тем более.

Молчание.

— Уходите, — жёстко говорит Мирабелла. — И помните: я услышу, если девушку приведут силой. Богиня видит принуждение.

— Богиня видит многое, — нехотя согласился Торен.

Шаги вниз по лестнице.

Она осталась. Я слышала её дыхание ещё долго после того, как стихли его шаги.

Потом она говорит, тихо, как будто в пустой камень:

— Ты ведь уже там, девочка.

Я не шевельнулась.

— Я чувствую, как ты слушаешь. Ты слушала утром. Слушаешь сейчас. — Вода в колодце не дрогнула. — Я не стану тебя ловить, Эльвира. Мне просто любопытно, что ты теперь сделаешь.

Сердце билось так, что, казалось, дрожал мрамор.

Я могла выйти. Мирабелла не злая. Она просто холодная, а это разные вещи. Она не позвала бы стражу.

Но я осталась за колонной.

Потому что если бы я вышла, я стала бы девушкой, которую поймали в коридоре.

А если нет — девушкой, которая знает закон.

Кажется, это был первый настоящий выбор, который я сделала за три года.

Мирабелла вздохнула. Свеча гаснет, темнота стала полной.

— Держи голову гордо, — сказала она в темноту.

Так похоже на отца, что у меня перехватило горло. *О, Боги!*

Шаги стихли. Я сползла по колонне на пол и уселась на холодный камень. Почувствовала, как слёзы потекли сами, без разрешения, потому что тело, оказывается, иногда живёт своей жизнью.

Утром я пошла в Библиотеку.

Её не должно было существовать. В храме официально есть архив, скрипторий и комната реликвий, все заперты. У всех есть описи. Я однажды от скуки переписала их целиком. Настоящая библиотека, та, что за дверью без ручки, в описях не значилась.

Я нашла её в первый месяц жизни здесь, когда не могла спать и ходила по коридорам босиком, пока не выучила их, как собственные шрамы.

Я не сказала о ней никому. Даже Селине.

Особенно Селине.

Дверь открывалась, если нажать на третий камень справа, в половине локтя от пола. Внутри — узкая комната, в которой сыро, как в гробнице. Вдоль стен стоят четыре огромных сундука, обитых медью.

В первом, самом скучном, счета храма за двести лет. Во втором — родословные. В третьем — то, что жрицы называют «искусством утешения»: тонкие тетради с рисунками, от которых у меня в первый раз покраснели уши. Ещё там портреты мужчин с подписями и оценками аккуратным почерком. Селину этому учат с двенадцати. Мне однажды показали страницу, а я сказала, что надо подумать. Больше с тех пор не спрашивали.

В последнем сундуке лежало то, ради чего я вообще сюда ходила.

Хроники. Не те, что продают в лавке при монастыре. Настоящие. Пять книг, переписанных рукой, которую я не знаю. В каждой годы, годы, годы, начиная с тех времён, когда север был не «скалистым краем», а просто севером.

О Царе там было мало. Про невест немного больше.

«...и пришла девятая, и была принята, и оставлена до срока. Не вернулась».

«...и пришла десятая, и была принята, и оставлена до срока. Не вернулась».

Строка за строкой, ровным почерком, как список покупок.

Ни одного имени.

Ни портрета, ни подписи, ни слова о том, какие они были. Три имени я знала только потому, что они попали в родословные. Там они записаны жёнами, а не невестами.

На обороте последней страницы, почерком, который отличался от всех остальных, странная фраза, одна, которую я нашла на прошлой неделе. Почти заметка, черновик, так пишут, когда пишут для себя:

«Невеста — ключ. Невеста — жертва. Невеста — это освобождение. Но мы забыли, что отпирает она не дверь, а клетку».

Я прочитала это сорок раз. Я выучила это наизусть, как молитву, которая не работает.

Сидя на холодном полу, со свечой в одной руке и хроникой в другой, я наконец перестала притворяться, что это не моё дело.

Светало, когда я вернулась.

Селина спала в моей кровати, свернувшись, как кошка. На щеке у неё отпечаталась складка подушки.

Через два месяца её посадят в повозку. Дядя получит письмо с печатью, в котором будет сказано, что княжество исполнило долг. А я буду стоять на площади и держать голову гордо.

Я села у окна и смотрела, как над конюшней встаёт солнце, совсем непохожее на то, что встаёт над пепелищем.

Тут же всё складывается.

Не красиво, не так как в балладах. Просто складывается, как замок в двери: щелчок, и всё.

Закон существует. Закон разрешает замену. Торену нужны деньги. Ему нужно, чтобы я перестала стоять в его доме знаменем. За меня никто не внесёт выкуп, за меня никто не придёт, никто не станет швырять шпильки в фонтан. У меня не было будущего в этом княжестве. Было одно место за столом и вечное «спасибо, тётя».

Зато у меня были руки, которые помнили, как держать нож. Голова, которая помнила всё прочитанное.

Было то, чего у меня не отняли даже три года назад.

Злость.

Я посмотрела на спящую Селину. Впервые за всё это время мне не захотелось отвести взгляд.

— Я не героиня, — сказала я тихо, в пустую комнату, в утренний свет, в мир, который утром продолжит ковать подковы. — Герои умерли три года назад. Сгорели в пламени, от них остался только пепел.

Селина что-то пробормотала во сне.

— Но я могу быть той, кто дойдёт до конца.

Я узнаю, что там. Узнаю, почему они не возвращаются. Я поеду туда не жертвой. Я поеду туда, чтобы смотреть и запоминать.

А если Царь орков действительно чудовище...

Я сжала кулак так, что ногти впились в ладонь, это было приятно.*Дьявольщина.*

...то я его убью.

За мою семью. За всех, у кого в хрониках не осталось имени.

За неё.

Я встала.

В коридоре уже скрипели половицы, звенела посуда, кто-то ругался на кухне из-за молока. Обычное утро. Последнее обычное утро.

Я заплела косы, умылась холодной водой из кувшина, и пошла к дяде.

Он ещё не завтракал. Значит, ещё не успел придумать, как соврать.

Самое время.

Глава 2. Сделка

В кабинете дяди Торена пахло чернилами, воском и чем-то кислым , что остаётся в комнатах, где много считают и редко проветривают.

Я постояла в дверях ровно столько, чтобы он успел меня заметить и не успел придумать лицо.

— Эльвира. — Он поднял голову. Мешки под глазами, камзол застёгнут на пуговицу ниже, чем надо. Не спал. — Рано ты.

— Ты тоже.

— Я всегда встаю рано.

Он отложил перо. Медленно. Показывая, какой он спокойный.

Я вошла и закрыла за собой дверь.

Вот тут он напрягся по-настоящему. Женщина в кабинете, это ещё ничего особенного. Женщина, закрывшая дверь, это разговор, к которому он не готовился.

— Я хочу поговорить о Селине.

— А. — Он откинулся в кресле, опустив плечи. — Да. Разумеется. Слушаю.

— За ней приедут через два месяца.

— Через семь недель, — поправил он мягко, как учитель. — Посланники будут здесь к концу второй недели следующего месяца. Я получил письмо.

Семь недель. Он знал с точностью до недели и ни слова не сказал ни жене, ни дочери.

— Ты собираешься её отправить.

— Я собираюсь исполнить закон. Как исполнял мой отец и его отец. — Он развёл ладони. — Это не выбор, Эльвира. Это... погода.

— Погоду можно переждать в доме.

— Только если дом выстоит.

Он прямо смотрел на меня. Взгляд у него был умный. Я всегда это знала, именно это в нём не нравилось больше всего остального.

— Ты пришла говорить про закон о замене.

Я не ответила.

— Пришла, — сказал он сам себе и потёр лицо ладонью. — Ну конечно. Ты подслушивала.

— Я живу там, где подслушивают все. Это вопрос выживания, а не воспитания.

Он засмеялся. Один горький короткий звук.

— Твой отец говорил то же самое.

Вот так. Бросил мне имя отца, как бросают собаке кость. Сам следил за моим лицом, пока произносил.

У меня похолодели кончики пальцев.

— Мой отец мёртв.

— Мёртв, — согласился Торен. — Между нами, я не уверен, что он был бы рад, когда узнал, что его дочь торгуется за чужую невесту.

— Я торгуюсь не за чужую. — Я шагнула к столу. — Я торгуюсь за свою.

Пауза.

Он медленно наклонил голову.

— Говори прямо.

— Селину можно заменить. Закон позволяет. Родственник предоставляет девушку, которая добровольно захочет стать невестой Царя орков, вносит выкуп, ставит печать. — Я держала голос ровным, как свою безумную голову. — Я хочу добровольно. Я пойду вместо неё.

Он не ответил.

Это оказалось хуже, чем если бы он закричал. Он не удивился. Не вскочил, не ударил кулаком по столу, не сказал «ты с ума сошла, девочка». Он сидел и смотрел на меня так, как смотрят на цифру, которая наконец сошлась.

— Ты понимаешь, — тяжело произносит он наконец, — что это не поездка в гости.

— Понимаю.

— Ты понимаешь, что выкуп огромен. Что даже с твоим согласием мне придётся отдать почти всё, что у меня есть. После этого моё княжество будет держаться на честном слове и на милости принца Вальдемара.

— Ты платишь не за меня. — Я упёрлась костяшками в край стола, чтобы не было видно, как дрожат руки. — Ты платишь за Селину, которая красива и которую можно выдать за союзника. А я лишь то, что стоит дешевле и уходит дальше. Это выгодная сделка. Ты просто не хочешь признать честно.

Он смотрел на меня долго и молчал.

— Ты очень похожа на мать.

— Не начинай.

— У неё тоже был этот взгляд. — Он смотрит на меня, и на секунду у него становится лицо человека, а не советника. — Она пришла ко мне с тем же взглядом, когда просила, чтобы я позаботился о тебе, если что-то вдруг случится. Ни «пожалуйста», ни «умоляю». Просто сказала, как отрезала.

— Мать умерла до того, как ты меня взял к себе.

— Да. — Спокойно. — Умерла. Но я получил от неё письмо.

Я стояла очень прямо.

Что-то в груди сделало оборот и остановилось. Я не дала себе никак это почувствовать. Не сейчас. Сейчас у меня был разговор, а разговор есть единственное оружие, которое я принесла с собой.

— Значит, ты уже знаешь, что я не отступлюсь.

Он вздохнул. Открыл ящик.

Достал бумагу.

Она была написана заранее. *Вот дерьмо!*

Я поняла это сразу по ровности строк. По тому, что он не искал её среди других. Он вынул её из стопки, где она лежала сверху.

Два листа. Аккуратный почерк писца. Внизу пустое поле для печати.

Кровь отхлынула от лица так быстро, что заломило скулы. *Дерьмо!*

— Что это?

— Прошение о замене. — Торен развернул листы ко мне. — Формуляр. Твоё имя впишем. Дату впишем. — Он поднял глаза. — Печать поставим.

Мне очень захотелось сесть. Мне очень захотелось сесть, но я не сажусь. Хотя стоять от слабости в ногах становится трудно. *Дерьмо.*

Я не села.

— Когда ты его написал?

— Вчера.

— Вчера. — Собственный голос я слышала со стороны. Он звучал на удивление ровно. — Вчера я ещё не сказала тебе, что поеду.

— Вчера я ещё не знал, что это будешь ты. — Он положил ладони на бумагу. — Но уже знал, что девушку на замену придётся искать. Селина сломается в дороге. Ты видела её дрожащие руки? Она не ест. Смотрит в стену и постоянно плачет. — Пауза. — Я собирался искать по деревням. Написал формуляр, потому что мне нужен был формуляр. — Он посмотрел на меня почти ласково. — А потом пришла ты.

Он говорил это как человек, которому удался день на рынке.

— Ты понимаешь, — сказала я медленно, — как это звучит?

— Звучит как расчёт. — Он не спорил. — А расчёт, Эльвира, единственное, что у меня есть. Можешь меня презирать. Но я один в этом доме не буду сидеть сложа руки и рыдать, а потом удивляться, почему так вышло.

— Тётя Ирма...

— Тётя Ирма будет рыдать, — сказал он спокойно. — Она хорошая женщина. Она будет рыдать, а потом пойдёт со мной к жрицам, потому что я скажу ей, что иначе мы все умрём. Она пойдёт, потому что верит в меня и знает, что я смогу решить верно.

Он встал и подошёл к окну.

— Про закон вспомнила ты. Не я, не Мирабелла, не Совет. Ты. — Он оперся на подоконник. — Входишь утром в кабинет, закрываешь дверь и сообщаешь мне решение, которого я не имею права от тебя требовать. После этого ты спрашиваешь, как это звучит?

— Я спрашиваю, почему ты согласился так легко.

Он промолчал.

— Ты мог торговаться, — продолжала я. — Мог сказать, что согласие надо заслужить. Говорить о чести, о долге, о памяти отца. Ты не сказал ничего. Ты даже не спросил зачем.

— Зачем?

— Месть.

Слово вышло суше, чем я рассчитывала.

— Я еду туда, чтобы узнать, что происходит с невестами. Если всё, что говорят о нём, окажется правдой, то он чудовище. Тогда я его убью.

Тишина.

Потом Торен отвернулся от окна. На его лице было выражение, которого я прежде не видела.

Удовольствие.

— Вот это, — на выдохе произносит он, — стоит дороже выкупа.

По спине побежала струйка холода, медленно, от поясницы вверх.

— Ты хочешь, чтобы я его убила.

— Я хочу, чтобы хоть кто-нибудь привёз мне с севера подтверждение. Что там можно жить. — Он вздохнул. — Мы отправляем туда девушек и получаем взамен тишину. Мы не знаем ни дорог, ни их числа, ни того, что у них с припасами. Знаем только, что они приходят, когда хотят, и берут, что хотят. — Он посмотрел мне в глаза. — А ты окажешься в их столице. Будешь жить во дворце. Если сумеешь вернуться с картой, с описанием их жизни, хоть с чем-нибудь, то ты вернёшься в княжество не приживалкой.

— А если не вернусь?

— Тогда я потеряю выкуп. — Без злобы. Как факт. — У меня останется Селина, у которой хватит ума не смотреть в стену, когда её выдадут замуж. Ну и тебя мне будет не хватать. — Пауза. — Это не утешение. Я знаю, как это звучит. Но это правда, а правда тебе сейчас нужнее.

Я стояла посреди кабинета и понимала, что впервые в жизни человек говорит со мной не как с сиротой, а как с участницей.

Это, оказывается, тоже больно.

— Я не повезу тебе карту.

— Повезёшь. — Он сел. — Ты не настолько бескорыстна, а я не настолько глуп. Ты скажешь себе, что мне ничего не скажешь. А когда вернёшься... А ты вернёшься, я вижу, как ты стоишь. Ты придёшь в этот кабинет и положишь бумаги на стол. — Он придвинул формуляр. — Садись. Впишем имя. Или тебе нужно выпить вина перед тем, как подписывать свою жизнь?

Я села.

Он не доставал денег из ниоткуда, не звал нотариуса, не сделал ничего торжественного. Взял перо и спросил, как пишется моё имя.

— Ты серьёзно спрашиваешь?

— Я знаю, как оно звучит. Мне нужно, как оно пишется. — Он посмотрел на меня. — Есть разница между тем, кем человек ходит по дому, и тем, кто он в бумагах. Первое я знаю. Второе приходится уточнять. Кстати, между нами, это стыдно.

— Через мягкий знак.

Он начал писать.

Пока он писал, я смотрела на его руку: широкую ладонь, обломанный ноготь на левом большом пальце. В кабинете стало так тихо, что слышно было, как оплывает воск.

Ноготь.

У отца был такой же. На том же пальце.

Я отвела взгляд быстрее, чем успела подумать зачем.

— Двое свидетелей, — сказал он, не поднимая головы. — Один от рода, одна от храма. Моя печать и печать Мирабеллы. — Он поднял глаза. — К ней пойдёшь сама. Сегодня. Я не стану говорить за тебя: если скажу я, это будет выглядеть сделкой между нами. Если скажешь ты — твоим выбором.

— Это и есть сделка между нами.

— Разумеется. — Он пожал плечами. — Но выглядеть и сказать, это большая разница в этом мире. Ты выросла здесь. Ты знаешь.

Я знала.

— И ещё. — Он воткнул перо в чернильницу. — Селине не говори сейчас.

Вот оно.

— Что значит «не сейчас»?

— Значит, не сегодня и не завтра. Я скажу ей сам. В своё время.

— Почему?

— Потому что если скажешь ты, она тебя отговорит. — Он смотрел спокойно. — Не потому, что ей нравится её судьба. А потому, что она не позволит тебе умереть вместо неё. Она ещё не поняла, что выбор не между её жизнью и твоей. Она думает, что всё можно отменить, если поплакать красиво. — Пауза. — Ей восемнадцать. Пусть у неё будет ещё немного времени, в которое она плачет, а не спасает.

Я его ненавидела. *Гад.*

Но не могла не понимать, что он прав. К сожалению, это худшее из всего, что случилось за сегодняшнее утро.

— Хорошо.

— Хорошо, — повторил он.

В этот момент он сделал то, чего я не ждала.

Снова открыл ящик и достал кинжал.

Он не передал его через стол, как передают документ.

Он вышел из-за стола и опустился передо мной на одно колено. Это настолько невероятное зрелище, что я забыла встать.

Ножны старые, обтянутые тёмной кожей. Кинжал короткий, узкий, с прямым клинком и рукоятью обмотанной серебряной проволокой.

Эту рукоять я знала. На глаза сами наворачиваются слёзы.

— Это не мой,— шепчу я.

— Твой.

— Это отцовский.

— Да. — Торен держал его на ладонях. — Твой отец оставил его мне, когда уезжал. Сказал: если с ним что-нибудь случится, нужно отдать дочери, когда она пойдёт туда, откуда может не вернуться.

Кровь била в ушах так, что я не сразу услышала собственный голос.

— Ты хранил его всё это время.

— Дольше, чем ты думаешь. — Он смотрел на нож. — Он оставил его ещё до пожара. Он всегда знал, что что-то будет. Такие люди не говорят об этом вслух, но прощаются заранее.

Торен замолчал.

— В нём серебро.

— В нём серебро, — согласился он. — Я мог его продать, а тебе сказать, что ножа не было. — Он поднял глаза. — Ты за это меня ненавидишь. Принимаю. Но я не отдал бы тебе отцовский кинжал на продажу. Не потому, что он чего-то стоит. Потому что он был последним, что у тебя есть.

— У меня ничего нет, — начала я. Голос сломался на середине. — У меня давно ничего нет.

— Поэтому он и лежал. — Торен не отвёл взгляда. — Ты бы его разрезала на серебро. Ты такая. Ты из тех, кто жжёт мебель, чтобы не замёрзнуть. Хорошая черта на пепелище. Но она доедает тебя быстрее, чем холод.

Я взяла кинжал.

Он был тяжелее, чем казался. Клинок вышел из ножен наполовину и поймал утренний свет. На стали проступила чернь — полустёртый знак. Герб отцовского гарнизона. Мой.

Мой род — это трое. Все трое в могиле.

А у меня в руках был родовой нож. Это было почти так, будто наш род ещё есть.

— Я не скажу спасибо.

— Не говори. — Торен поднялся с колена. Оно хрустнуло. Это почему-то было самым тяжёлым из всего, что я слышала за это утро. — Но ты возьмёшь его с собой. Спрячешь так, чтобы сразу не нашли. — Он отошёл на шаг и добавил буднично: — Посланники отбирают всё, что короче меча. Но женщин они не раздевают.

— Ты знаешь, как их обыскивают?

— Я давно отправляю им повозки. — Он вернулся за стол. — Знаю их рост. Знаю имена. Знаю, что тот, что с сединой, пьёт воду, а не брагу, и зовут его Громак. Поэтому знаю, что они никогда не смотрят женщине в лицо.

— Почему?

— Потому что им стыдно, — сказал Торен.

Это было неожиданно.

Мирабелла вызвала меня после полудня.

Не позвала через служанку, а прислала записку. Два слова и подпись. Я трижды перечитала эти два слова, пока шла через двор, будто в них могло быть спрятано третье.

Её келья была в северной части храма, где не бывает солнца. Голые стены, стол, две лавки, в углу жаровня. У женщины, которая решала судьбу княжества, не было ни ковра, ни подушки.

Она сидела за столом и катала между пальцами кусок воска.

— Садись.

Я села.

Она не подняла глаз. Медленно катала воск. Он становился тёплым и мягким, а она разминала его, как тесто.

Молчание тянулось так долго, что я начала слышать собственное дыхание.

— Ты уверена в своём решении, дочь моя?

— Я никогда ни в чём не была так уверена.

Соврала, разумеется.

Мирабелла усмехнулась одним углом рта. Так усмехаются, когда слышат ложь, которую решили не трогать.

— Ты думаешь, что спасаешь сестру, — сказала она. — Возможно, ты спасёшь гораздо больше.

— Я не понимаю.

— Поймёшь. Когда придёт время.

Она отложила воск и протянула руку.

Я не отстранилась, не успела. Её пальцы коснулись моего лба, между бровями, по мне прошло тепло. Не ласковое, а такое, какое идёт от печи, к которой подошёл слишком близко. Оно ударило в виски, спустилось по шее и исчезло.

Я вздрогнула так, что лавка скрипнула.

— Что это было?

Мирабелла убрала руку.

Она смотрела на меня. У неё было лицо человека, который увидел то, чего не ждал и теперь решает, сказать или промолчать.

— Я вижу огонь в твоём будущем, Эльвира. — Голос у неё остался ровным, а пальцы, которыми она снова взяла воск, дрогнули. — Страсть. Боль. Выбор, который изменит судьбу двух миров.

— Что?...

Но она уже отвернулась к жаровне.

— Готовься. У тебя две недели до отправки. Многому нужно научиться.

— Две недели? — Я встала. — Дядя сказал, что семь.

— Твоя сестра поехала бы через семь. — Мирабелла подбросила уголь. — Девушку для замены готовят отдельно и отправляют раньше. Так положено.

— Кем положено?

— Теми, кто писал закон. — Она наконец посмотрела на меня через плечо. — Иди. Завтра на рассвете, северная келья, не опаздывай. Эльвира...

— Да?

— Не спрашивай в коридорах, — сказала она. — Спрашивай у меня.

Я, шатаясь, вышла во двор. Меня ударило в лицо волной холода.

Две недели.

Не семь. Две. *Дерьмо. Дерьмо.*

Селина сейчас сидела у окна в верхней комнате и считала дни до конца осени. У неё в запасе была целая жизнь, целых семь недель. А у меня её уже не было.

Я поднялась по лестнице, прижимая к рёбрам формуляр, под которым не стояло ещё ни одной печати.

На повороте я едва не столкнулась с женщиной в сером.

Она была ниже меня и старше. Держалась так, будто ей здесь принадлежало всё — стены, лестница, я. Изольда. Жрица, которую Мирабелла держала при себе и которая, говорили, побывала во всех княжествах.

Её взгляд скользнул по моей руке.

Не по лицу. По бумаге.

Я повернула лист текстом к себе слишком поздно и слишком заметно.

Изольда улыбнулась.

— Доброе утро, Эльвира.

— Уже день.

— Да, верно. — Она шагнула в сторону, освобождая проход, и движение вышло такое, будто она открывает передо мной дверь. — Ты от Верховной?

— От неё.

— Хорошо.

Я прошла мимо.

Уже на ступенях услышала за спиной негромко, не мне, скорее себе:

— Надо же.

Я обернулась.
Её уже не было.

Глава 3. Свитки

Мирабелла ждала меня у северной кельи. В руке у неё была лампа.

— Ты опоздала.

Она развернулась и пошла вниз по лестнице.

— Иди за мной и не задавай вопросов в коридоре.

Мы прошли галерею за алтарём. Мимо ниши, в которой всегда сквозит. Мимо окна, где можно лежать на подоконнике и воображать, что лежишь на краю мира.

У стены без двери она остановилась.

— Открывай.

У меня похолодели пальцы.

— Что?

— Ты слышала. — Она подняла лампу выше. — Ты знаешь эту стену лучше, чем я. Открывай.

Я стояла.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю всё, что происходит в этом храме, — сказала Мирабелла. — Кроме того, что происходит в этой комнате. Вот это меня и беспокоит.

Она сделала шаг в сторону, освобождая мне место. Это было хуже любой угрозы.

Я нажала на третий камень справа, в половине локтя от пола.

Стена отошла с тихим вздохом.

— Хорошо, — сказала Мирабелла. — Теперь я хотя бы знаю, что ты не врёшь про то, как ты сюда попала.

Внутри было холодно и сыро, как в гробнице. Лампа в её руке сразу стала единственным, что имело свет.

— Садись.

Я села на пол. Она поставила лампу между нами и подтянула к себе третий сундук.

— Ты его открывала? — спросила она, не глядя на меня.

— Открывала.

— Читала?

— Все страницы.

Мирабелла усмехнулась.

— Сорок лет, — сказала она. — Сорок лет девочки говорят мне «я не стала», «я не смотрела», «я испугалась и закрыла». Ты первая сказала «все».

Она откинула крышку.

Я знала, что там лежит. Тонкие тетради, свёрнутые трубкой свитки, листы, сшитые грубой нитью. Я листала их тайком, ночью, с огарком в руке. У меня горели уши и лицо. Я захлопывала тетрадь и убирала обратно, а через неделю возвращалась.

— Ты знаешь, что это, — сказала Мирабелла.

— «Искусство утешения».

— Так это называют те, кому стыдно произносить вслух, что это искусство. — Она развернула первый свиток и придавила края камнями. — Смотри.

Я посмотрела.

На свитке были двое. Мужчина и женщина, оба обнажённые, оба нарисованные тонко, без поспешности, с той подробностью, от которой пересыхает во рту. Она сидела на нём. У неё была рука на его горле, не сжимающая, просто лежащая. Художник не поленился выписать, как её пальцы касаются кожи.

Я отвела глаза.

— Смотри, — повторила Мирабелла. — Ты не в храме. Здесь нет никого, кто осудит тебя за любопытство. Здесь только я, а я видела и похуже.

Я посмотрела снова.

— Что здесь главное?

— Я не...

— Посмотри и скажи. — Она ткнула пальцем в фигуру женщины. — Что она делает?

Я вдохнула.

— Держит его за горло.

— И что?

— Он не может встать, — сказала я. — Она сверху. Он не может встать, не сбросив её.

Мирабелла отняла палец.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, видишь ты верно.

Она разворачивала свитки один за другим и говорила.

Не так, как говорят наставницы с послушницами, мягким голосом и опущенными глазами. Она говорила так, как говорят о ковке или о разделке туши: спокойно, точно, без единого лишнего слова.

Это было не про любовь. Это было про то, где у человека уязвимые места.

Вот — шея. Не для того, чтобы душить: чтобы он запомнил, что твоя рука была там.

Вот — ладонь, прижатая к его груди. Не для близости. Для того, чтобы чувствовать, как срывается его дыхание, и знать, что это твоя работа.

Вот — колено между его коленями. Не для страсти. Для того, чтобы понимать: в эту секунду он целиком в твоих руках, и оба это знают.

— Мужчина в постели теряет половину своей осторожности, — сказала Мирабелла. — Не потому, что глуп. Потому что там ему не нужно быть осторожным. Это единственное место, где ему не нужно.

Она подняла на меня глаза.

— Ты понимаешь, о чём я?

— Ты учишь меня, как убить человека в постели.

— Я учу тебя, как остаться живой в комнате, где тебе ничего не принадлежит. — Она свернула свиток. — Убить проще. Убийство это один раз и навсегда. А жить рядом с тем, у кого власть, — это каждый день, и каждый день заново.

Я смотрела на её руки.

— Ты это делала?

— Я была замужем, — сказала Мирабелла. — Двадцать шесть лет.

— И?

— И пережила мужа. — Она отложила свиток в сторону.

— Он чудовище? — спросила я.

Мирабелла не сразу ответила.

— Я ждала этого вопроса, — сказала она наконец. — Я ждала его с той минуты, как ты вошла в эту комнату.

— Тогда ответь честно.

— Если честно, то я не знаю.

Я уставилась на неё.

— Ты Верховная жрица. Ты отправляла к нему невест. Ты должна знать.

— Я отправляла к нему невест и получала взамен грамоты с печатью. — Она говорила ровно. — Двенадцать раз. Одиннадцать раз было одинаково.

— А двенадцатый?

Мирабелла помолчала.

— Три года назад, — сказала она, — с севера пришла повозка. Пустая. С возницей-орком, который не говорил на нашем. В повозке было тело.

У меня стало холодно в животе.

— Невесты?

— Девочки, которая умерла у него в Цитадели. — Мирабелла смотрела на лампу, не на меня. — Он вернул её, чтобы её похоронили дома. Он прислал с ней её вещи. Гребень. Ленты. Всё, что у неё было.

— Зачем?

— Вот именно. — Она подняла на меня глаза. — Чудовища не возвращают тел, Эльвира. Чудовищам не приходит в голову, что тело кому-то нужно.

Тишина.

— Тогда почему все говорят, что он ест невест?

— Потому что так удобнее, — сказала Мирабелла. — Пока он зверь, мы отправляем ему девушек и называем это судьбой. А если он не зверь, то почему мы отправляем девушек?

Она не дала мне ответить.

— Иди, — сказала она. — Завтра на рассвете.

У двери она меня остановила.

— Стой.

Я обернулась.

— Чего ты хочешь?

— Что?

— Первый вопрос, — сказала Мирабелла. — Я буду задавать их каждый день, пока ты не уедешь, а ты будешь отвечать вслух, а не про себя. Чего ты хочешь?

Я думала, что скажу «убить его». Это было бы красиво. Это было бы честно наполовину.

— Чтобы её не было на моём месте, — сказала я.

— Хорошо. — Мирабелла кивнула. — Второй: чего ты боишься?

— Что я приеду туда и мне понравится.

Она посмотрела на меня очень долго.

Впервые за всё время не усмехнулась.

— Третий, — сказала она. — Что ты отдашь, чтобы получить первое и не встретить второе?

Я стояла в дверях и не находила ответа.

— Вот, — сказала Мирабелла. — Вот из этого мы и будем делать невесту.

Глава 4. Тело как инструмент

Кассия пришла на третий день.

Она была моложе Мирабеллы. Ей лет тридцать, может, чуть больше. Она держалась так, будто её с трудом терпят, а она отвечает тем же.

— Значит, ты, — сказала она, оглядев меня с ног до головы.

— Я.

— Плохо. — Она обошла меня кругом. — Высокая, худая, угловатая. Плечи вперёд. Подбородок вверх. Руки не знают, что им делать, и всё время это показывают. Такое ощущение, что тебя сейчас стошнит.

— Возможно, стошнит.

— Хорошо, что честно. — Она встала напротив. — Как тебя учили входить в комнату?

— Я не...

— Тебя вообще учили входить в комнату?

— Я входила в комнату всю жизнь.

— Ты входила в комнату, как человек, который надеется, что его не заметят. — Кассия скрестила руки. — Это работало в доме твоего дяди. Там все хотели тебя не замечать. Теперь тебе нужно наоборот, чтобы тебя заметили. Причём не так, как замечают мебель.

Она прошла к дальней стене.

— Встань у двери. Я скажу «входи», и ты входи. Я скажу ещё раз — входи ещё раз.

Я вошла одиннадцать раз.

Первые три она молчала. Потом начала говорить.

— Нет. Слишком быстро, ты извиняешься. Ещё раз. Опять извиняешься. Не извиняйся. Ещё. Теперь ты извиняешься плечами. Ещё.

На седьмой раз я остановилась в дверях.

— Я не понимаю, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы ты вошла так, будто это твоя комната, а не его. — Кассия стояла в центре зала. — Ты сейчас входишь так, будто просишь разрешения. Ты невеста. Тебе не нужно разрешения. Тебе нужно, чтобы он захотел узнать, кто ты такая.

— А если он не захочет?

— Тогда ты умрёшь скучной и бесполезной, — пожала плечами Кассия. — Это, поверь, худший из способов расстаться с жизнью.

Дальше было хуже.

Дальше она учила меня ходить.

Не «красиво». Ходить так, чтобы юбка шла за мной, а не я за юбкой. Ставить стопу с пятки на носок, а не наоборот. Вовсе не потому, что это плавно, а потому, что так не слышно, куда ты идёшь. Держать голову так, чтобы видеть всю комнату, но при этом не вертеться.

Она поставила меня напротив окна и велела идти.

Я пошла.

— Ты дёргаешь левым плечом.

— Я не дёргаю.

— Дёргаешь. Каждый второй шаг. — Она подошла и положила ладонь мне на лопатку. — Вот здесь. Ты всё время поднимаешь его, будто ждёшь удара.

Я замолчала.

— Вроде нет.

— Значит, ждала когда-то, а тело запомнило. — Кассия убрала руку. — Тело глупее головы, оно не забывает того, чего голова давно забыла.

Она ушла к окну.

Мы занимались голосом.

Она заставляла меня говорить фразы нейтральные, глупые: «передайте соль», «я пришла», «здесь холодно» и внимательно слушала, чуть склонив голову к плечу.

— Ты говоришь с извинением в конце.

— Где?

— Не в словах. — Она махнула рукой. — Ты заканчиваешь фразу так, будто спрашиваешь: «я правильно сказала?». Перестань. Скажи «передайте соль» так, чтобы после этого вопросов не осталось.

Я сказала.

— Ещё раз.

Я сказала.

— Ещё.

— Передайте соль, — рявкнула я.

Кассия усмехнулась.

— Вот, — сказала она. — Уже что-то.

И вдруг, без перехода:

— Он сожрёт тебя за секунду.

Я обернулась.

— Что?

— Ты слишком неуклюжая. Движения хорошие, но ты всё время думаешь, как выглядишь. — Она смотрела на меня в упор. — Он это увидит. Он крупнее тебя, старше, он держит в руках весь Север. В первый же раз, как ты войдёшь в его зал и начнёшь проверять, правильно ли ты стоишь, он поймёт, что ты боишься. А кто боится, того легко подчинить и раздавить.

У меня пересохло во рту.

— Тогда научи меня.

— Я учу.

— Нет. — Я сделала шаг и сжала кулаки. — Ты издеваешься и называешь это учением. Я тебе не нравлюсь, ладно. Но если ты права, и он действительно поймёт, что я боюсь, то единственная, кто может мне помочь, — это ты. А ты стоишь и меришь меня взглядом, как портной.

Кассия смотрела на меня и молчала.

А потом сделала то, чего я не ждала совсем: отвернулась к окну, и у неё задрожали плечи.

Не от смеха.

— Двенадцать лет, — сказала она в стекло. — Двенадцать лет я учу девочек. Ещё ни одна из них ни разу не сказала мне в лицо, что я делаю это плохо.

— Я не говорила...

— Говорила. — Она обернулась. Её лицо было уже прежним, сухим и острым, только чуть краснело что-то у глаз. — Хорошо. Садись на пол.

Я села.

Кассия села напротив, подвернув ноги.

— Первое. Ты не должна прятать страх. Ты должна сделать так, чтобы его не было видно, а это разные вещи. Прячешь — он лезет из щелей. Не прячешь — а он не в этой комнате.

— Где он тогда?

— В другом месте. — Она наклонилась. — Ты входишь. В ту же секунду у тебя должна быть причина, по которой ты здесь. Не «я невеста, я пришла». А своя причина. Назови мне одну.

Я подумала.

— Я пришла узнать, что происходит с невестами.

— Плохо. — Кассия поморщилась. — Это правда для тебя, но не для него. Он тебя раздавит, потому что ты интересуешься его делами.

— Тогда что?

— Что-то, что принадлежит тебе. Вкус. Привычка. Вещь. — Она подняла бровь. — Что ты любишь?

Я открыла рот и поняла, что не могу ответить.

Двадцать лет. Три года в доме дяди. Я думала так быстро и так много о том, как выжить, что ни разу не записала в этот счёт ни одной вещи, которую люблю.

— Я... — Я сглотнула. — Я люблю читать.

— Годится. — Кассия встала и отряхнула юбку. — Но этого мало. К следующему утру ты мне назовёшь пять вещей. Не добродетелей. Не «семью». Вещей. Что ты любишь пить. Какая сторона постели у тебя своя. От какого запаха у тебя хорошо во рту. Пять. Поняла?

— Поняла.

— Хорошо. — Она уже шла к двери. — И ещё, Эльвира.

— Да?

— Если он тебя спросит, чего ты хочешь,то не отвечай «узнать». — Кассия поморщилась. — Скажи что-нибудь живое. Орки хотят слышать живое.

Дверь закрылась.

Ночью я сидела на полу своей комнаты и говорила вслух, в темноту:

— Мёд. Тёплый хлеб. Полынь. Читать при свече, когда свеча уже догорает. И... — Я помолчала. — Чтобы меня никто не будил.

Пять.

Я засмеялась, совершенно одна, в пустой комнате. Смех вышел короткий и глупый.

Как будто я собрала сундук, чтобы ехать к чудовищу, положив в него мёд и тишину.

Глава 5. Оружие в тени

Нож я прятала за балкой на звоннице.

Там дуло, там пахло голубиным помётом и металлом. Именно там меня не искали, потому что колокол не звонит ночью.

Я выходила туда, когда гасили последние свечи.

Первые три ночи я просто держала клинок в руке. Просто держала, поворачивала, чувствовала вес. Тяжелее, чем кажется. Короче, чем кажется. Тот, кто покупает кинжал впервые, думает, что он длинный, как меч, а потом удивляется, что достаёт всего на ладонь.

На четвёртую ночь я начала работать.

Тётка Мильда, которая чинила полы в притворе, всю жизнь махала молотком и говорила, что руку ставит постоянная работа, а не желание. Я подумала, что с ножом должно быть так же.

Колоть, вынимать, колоть. Не размахиваясь. Не от бедра, а только от груди, коротко, вперёд. Пятнадцать раз в одну сторону, пятнадцать в другую. Считала я только для того, чтобы не сбиваться. Но сразу же забывала счёт и начинала заново.

На седьмую ночь я порезала себе предплечье.

Не сильно. Кровь проступила сквозь рукав, а я смотрела на неё и думала с холодным удивлением: надо же, оно правда режет.

Потом села на холодный пол и заплакала, потому что было больно. Потому что было темно. Ещё потому, что я одна на звоннице с ножом умершего отца упражнялась в убийстве чудовища, которого ещё не видела.

Потом вытерлась, забинтовала руку рукавом и сделала ещё пятнадцать колотых движений.

К целительнице храма меня пустили легко.

— Тётя Ирма хворает, — сказала я. — Мне бы чего-нибудь для сна и от кашля.

Женщина по имени Аглая была толстая, добрая и совершенно лишена любопытства. Счастливое свойство, которое встречается у тех, кому много чего рассказывают.

— Для сна хорошо полынь и мята, — сказала она и полезла на полку.

Я кивала и смотрела по сторонам.

На второй полке, за склянками с каплями от колик, стояла коробка, обитая жестью. В ней, в гнёздах, лежали маленькие флаконы — плотные, тёмные, с притёртыми пробками.

— А это что?

— Туда не лезь. — Аглая даже не обернулась. — Это от крыс.

— Крысиный яд?

— Хороший. Быстрый. — Она обернулась и погрозила пальцем. — Три капли в воду, и крыса сдохнет раньше, чем упадёт.

— А человек?

Аглая посмотрела на меня.

— Зачем тебе про человека?

— Я думаю о том, — сказала я спокойно, — что меня повезут через горы, а я не знаю, что там растёт. Мне бы научиться отличать, где яд, а где лекарство.

Она долго смотрела на меня.

А потом сказала то, чего я не ждала:

— Ты бы пришла раньше. У меня тут пять недель до отъезда двоих, а ты лезешь со своими вопросами.

Я не стала уточнять, кто эти двое.

В итоге я ходила к ней каждый день.

Не за ядом. Сначала правда за наукой. Аглая рассказывала, как выглядит в лесу то, от чего останавливается сердце. Как отличить белену от лебеды. Почему нельзя жечь некоторые травы в закрытой комнате, если сам в ней спишь.

Она была счастлива. Ей было не с кем поговорить. Поэтому охотно выложила мне всё, что знала.

— А если человек уже отравлен? — спросила я на четвёртый день.

— Тогда поздно. — Аглая пожала плечами. — Есть противоядия, но их надо давать по часам, а не сразу всю дозу. Сразу можно дать, только если совсем мало попало.

— А если много?

— Тогда человек умрёт, хорошо, если быстро. — Она строго посмотрела на меня. — Ты почему спрашиваешь, с кем воевать собралась?

— Я собралась не умереть от первого же супа в чужом доме.

Аглая засмеялась.

Флакон я взяла на восьмой день.

Это было так просто, что потом я долго не могла себе простить.

Аглая ушла в трапезную. Коробка лежала на второй полке. Я стояла перед ней, замирая от страха. В кончиках пальцев покалывало. Солнечный свет золотом заливал комнату. В окно было слышно, как во дворе ругаются из-за молока.

Я выдохнула и уверенным жестом взяла один флакон. Тёмное стекло, тяжёлая пробка, воск по горлышку.

Пока стояла, придумала себе оправдание: я не буду его использовать. Я беру его на случай. На самый крайний случай.

Враньё. Я знала, что вру.

Я спрятала флакон в шов подкладки, у бедра. Потом всю ночь лежала и чувствовала, как он там лежит: тяжёлый, круглый, тёплый от моего тела.

Крысиный яд.

Если всё пойдёт не так, я не стану жертвой. Я не буду кричать в чужом шатре. Я выпью его в ту минуту, которую выберу сама. Никто не получит надо мной власти.

Я лежала в темноте и смотрела в потолок, чувствуя себя очень храброй.

А к утру поняла, что это не храбрость. Это выход, который я оставила себе, чтобы не сойти с ума. Разница между храбростью и ядом в подкладке как раз в том, что яд не требует, чтобы ты терпела до конца.

Селина пришла за день до отправки.

Она ничего не знала. Торен держал слово. Мирабелла тоже. На площади уже сколачивали помост для церемонии. Никто не знал, что на самом деле происходит. Только по храму ходили слухи, что невеста Каменного Княжества поедет раньше срока. Так положено для девушки-замены, которая, как говорят, нашлась из бедного дома.

Она вошла без стука и легла рядом, не говоря ни слова.

Мы лежали на моей узкой кровати, как в детстве. От её волос пахло тем же мылом, что и восемь лет назад.

— Ты какая-то странная, — сказала она.

— Я всегда странная.

— Сегодня по-другому. — Она повернула голову. — Ты как будто уезжаешь.

У меня сжалось в горле.

— С чего ты взяла?

— Не знаю. — Она смотрела на меня. — Ты со мной говоришь, а потом как будто вспоминаешь, что надо о чем-то разговаривать.

Я смотрела в потолок.

— Селина.

— Мм.

— Скажи мне что-нибудь глупое.

— Что?

— Что-нибудь глупое. Про платья. Про Тильду. Мне хочется послушать про глупое.

Она помолчала, а потом начала рассказывать про то, как Тильда на празднике наступила на подол жрице. Та сделала вид, что не заметила. Как это было одновременно ужасно и ужасно смешно.

Я слушала её голос и держалась из последних сил. *О Боги, помогите!*

Я держалась, лёжа на спине, в темноте, рядом с единственным человеком, который меня любил. Я не позволяла себе заплакать, потому что если бы я заплакала, она бы догадалась.

Она замолчала.

— Эль.

— Мм.

— Обещай, что не забудешь меня.

Вот тут я чуть не сломалась.

— Глупости, — отрезала я.

— Обещай.

— Обещаю.

Она вздохнула и придвинулась ближе. Через минуту её дыхание стало ровным.

Я лежала и смотрела в потолок. Слёзы сами катились к вискам. Она не проснулась.

К утру я буду стоять на помосте в белом.

А до утра оставалась ночь. В подкладке у бедра лежал тёплый круглый флакон, а на звоннице за балкой нож отца, который я так и не научилась держать правильно.

Глава 6. Прощание

Платье оказалось прозрачным.

Я стояла посреди северной кельи с поднятыми руками, пока его опускали мне через голову. Первое, что подумала: ну конечно. Разумеется. Было бы странно, если бы меня повезли к чудовищу в чём-то тёплом.

— Оно прозрачное, — сказала я.

— Оно ритуальное.

— Оно прозрачное.

— Невеста выходит к богине как к матери, — ответила старшая заученно, не поднимая глаз. — Перед матерью нечего скрывать.

— Там не будет богини. Там будет площадь.

Она наконец посмотрела на меня. В её лице была такая тёплая, сытая жалость, что мне захотелось укусить её за руку.

Потом надели золото.

Браслеты легли холодом на запястья. Обруч на шею не как украшение, а именно обруч, плотный, тяжёлый. Голова сразу стала наклоняться вперёд, как у лошади в хомуте. В косы вплели цепочки, которые при каждом повороте тихо шлёпали по спине, напоминая, что они там.

Когда закончили, старшая отступила и сказала:

— Красиво.

— Дорого, — огрызнулась я.

Она не ответила.

Мирабелла пришла, когда все ушли.

Оглядела меня спокойно, принимая работу.

— Три вопроса.

— Сейчас?

— Именно сейчас. Чего ты хочешь?

— Чтобы её там не было.

— Она будет. — Голос у жрицы не изменился. — Семья невесты стоит у помоста. Так положено.

У меня стало пусто под рёбрами.

— Она не знает. Дядя так и не сказал?

— Я спросила его утром. Он ответил, что не нашёл подходящей минуты.

— Значит, она узнает на площади.

— Да.

— При всех.

— Да.

Я закрыла глаза. Обруч ярмом тянул шею вниз. Я поймала себя на том, что стою, как виноватая.

Выпрямилась и гордо подняла голову.

— Я его убью.

— Не сегодня, — резко сказала Мирабелла. — Второй вопрос: чего ты боишься?

— Что она закричит.

— Она закричит. Третий: что ты отдашь?

— Всё уже отдала. Мне нечем торговаться, мне осталось только дойти.

Мирабелла взяла моё лицо в сухие прохладные ладони.

— Запомни это утро, — сказала она. — Не её крик. Себя. Какой ты была до повозки. Иначе через полгода станешь тем, кем тебя назовут.

— Кем меня назовут?

— Пустотой.

Толпа звучала как вода в трубе — глухо и ровно, пока не выйдешь к ней.

Потом звук распался на голоса.

Утро было холодное. Ветер прошёл сквозь платье, как сквозь воздух. Кожа на руках мгновенно покрылась мурашками, и первым моим движением было прикрыться.

Я не прикрылась.

Держи гордо голову.

Я встала там, где показали, подняла подбородок и посмотрела поверх голов на крыши, на дальний склон, где уже желтел лес. Так учила Кассия: смотри выше толпы. Тогда у них будет ощущение, что ты их не видишь, а у тебя — что их нет.

Их было очень много.

Все молчали. Вот это оказалось самым тяжёлым. Они не улюлюкали, ничего не бросали. Стояли и смотрели, как смотрят на похороны соседки, с которой не были близки.

Торен стоял у ступеней, в парадном, с лицом человека при исполнении. Он не взглянул на меня ни разу.

Тётя Ирма смотрела широко открытыми глазами.

По её лицу текли слёзы нескончаемой рекой. Пальцы у неё были сложены в замок, так, что костяшки побелели.

Она знала. Ей сказали.

Она пришла и встала молча, потому что муж велел молчать.

Я качнула головой: не надо.

Слёзы потекли водопадом.

В толпе пошло движение. Я увидела его раньше, чем услышала: людей раздвинули, кто-то шёл против течения. Толпа подалась, как вода, в которую опустили руку.

Селину вели под руки, бережно, как ведут больную.

Синее платье. Волосы убраны к празднику. Она шла и растерянно улыбалась, оглядываясь, потому что ей сказали, что будет церемония, но не сказали какая.

Искала меня взглядом в толпе.

Потом подняла глаза.

Я увидела, как это происходит: медленно, по частям, как ломается лёд. Сначала она просто увидела фигуру в белом. Потом поняла, что фигура - это я. Потом посмотрела на платье, на золото, на жрицу со свитком.

Тут она поняла всё.

— Нет, — вырвалось у неё.

Негромко. Я не услышала, а прочла по губам.

А потом она закричала.

— Нет! Эльвира, нет!

Она вырвалась, ударила локтем того, кто держал, рванулась. Платье треснуло по шву на плече, рукав почти оторвался. Её перехватили снова.

— Пустите! Пустите меня!

Толпа загудела.

— Не делай этого! — Волосы у неё растрепались. Всё, чему её учили с восьми лет, слетело разом. — Я не хочу! Слышите? Я поеду сама, верните мне сестру!

Тётя Ирма рванулась к ней, а Торен поймал дочь за локоть.

— Эльвира! — Селина смотрела на меня снизу вверх. Лицо у неё было мокрое, красное и совершенно детское. — Слезай оттуда! Это не твоё! Это моё!

Вот это было хуже всего.

Не «не уезжай». Не «я люблю тебя».

«Это моё».

Ей восемнадцать. Половину жизни она прожила с мыслью, что её судьба это только её собственность. Теперь у неё отняли даже это.

Я стояла и улыбалась ей.

Улыбалась, потому что если бы открыла рот без улыбки, оттуда вышел бы вой.

— Эльвира! — Она сорвала голос. — Скажи им! Скажи, что передумала!

Я спустилась с помоста. *О, Боги! Я справлюсь!*

Жрица дёрнулась меня остановить, Мирабелла сказала одно слово, та отступила.

— Селина.

— Нет. Нет, нет, нет...

— Посмотри на меня.

Она посмотрела.

— Живи, — громко произнесла я.

У неё затряслись губы.

— Живи. Влюбись. Выйди замуж за кого-нибудь совершенно неподходящего, чтобы твой отец позеленел. Нарожай детей. Будь счастлива. — Голос у меня был ровный. Я до сих пор не понимаю, откуда я его взяла. — За нас обеих.

— Я не хочу за обеих. Я хочу, чтобы ты была здесь.

— Я знаю.

— Ты вернёшься! — Она рванулась ещё раз. — Обещай! Обещай, что вернёшься!

Я не ответила.

Потому что не верила, что вернусь.

Потом читали грамоту, бесконечно длинную, со всеми свидетелями. Писец шёл вдоль помоста и перечислял вслух каждую вещь на мне. Торен кивал на каждое слово.

Я не слушала. Я смотрела на свои руки и думала, что мне холодно. Что это, наверное, хорошо: пока холодно, я чувствую хоть что-то.

Воск капнул на бумагу и растёкся бурым пятном.

— Замена, назови себя.

Площадь смолкла.

Я вспомнила чужой почерк в тетради на холодном полу Библиотеки. Совет мёртвой девушки той, кто поедет после неё. Надо назвать имя, чтобы потом его помнили все и она сама прежде всего.

— Эльвира, — сказала я. Громко, чтобы слышал последний ряд. — Дочь Дарета и Мирры. Из Каменного Княжества.

Мирабелла моргнула.

По обряду полагалось только имя.

— Записано, — сказала она.

Писец вывел на листе всё: и отца, и мать, и город.

Хоть где-то.

Они ждали за воротами.

Я увидела их и остановилась. Кто-то сзади резко подтолкнул меня в спину.

Издали они казались не людьми и не зверьми, а чем-то третьим, для чего у меня не было названия. Сложены так, что наша стража рядом выглядела подростками. Серо-зелёная кожа, тёмная на солнце. Кожа и железо, никаких гербов.

У старшего седые пряди в чёрных волосах. Лицо, перечёркнутое шрамом от скулы до челюсти.

Второй казался значительно моложе, и, кажется, женщина. Я поняла это не сразу и потом не смогла объяснить, по чему конкретно.

Третий был совсем молодой, смотрел на меня в упор. А когда я посмотрела в ответ, отвёл глаза.

Я ждала, что меня схватят за руки, обыщут, запихнут в клетку.

Седой подошёл и остановился, не дойдя. Смотрел куда-то мне в плечо. Сказал что-то на своём, потом, с трудом, на нашем:

— Повозка.

Махнул рукой.

Он не взял меня за локоть. Не подтолкнул. Шёл сбоку, на расстоянии, глядя вперёд. Я вдруг заметила, что ни один из троих не посмотрел мне в лицо.

Потому что им стыдно, — сказал Торен.

Я тогда ему не поверила.

Повозка была закрытая. Хорошо, что не клетка, как я боялась. Деревянные стены, узкое окно, затянутое кожаной шторкой. Лавка застелена шкурой.

На лавке лежал сложенный плащ. Толстый, шерстяной, чистый.

Кто-то знал, что поедет женщина в прозрачном платье в холод.

Я забралась внутрь, дверь захлопнули, меня накрыла темнота.

Руки начали дрожать только теперь. Я держала их между коленей и ждала, пока пройдёт. До меня долетали негромкие звуки. Снаружи говорили на чужом языке и скрипели ремнями упряжки.

Потом завернулась в плащ. Он пах дымом и лошадью.

Повозка тронулась.

Я отодвинула шторку на окне.

Толпа уже расходилась. Вот что меня добило. Люди шли по своим делам, кто-то нёс корзину, кто-то вёл ребёнка за руку. К вечеру здесь будут торговать. Никто не вспомнит, что утром тут кого-то отдали чудовищу, возможно навсегда.

Селина стояла у самых ворот.

Её уже не держали. Видимо решили, что поздно. Платье порвано на плече, рукав болтается, волосы растрёпаны, лицо распухшее.

Она не кричала. Просто смотрела, как уезжает повозка.

Я прижала ладонь к краю окна.

Она подняла руку.

Так и стояла с поднятой рукой, пока дорога не свернула.

Белая колокольня уходила за гребень холма. Сначала наполовину, потом целиком, как тонущая в невидимом море.

Я опустила шторку и сидела в темноте.

Я ехала умирать.

Но меня не везли, а я ехала сама. Это была разница, за которую я собиралась держаться всю дорогу.

Глава 7. Путь в Скалистые земли

Первую ночь я провела, сидя спиной к стене повозки, с ножом в руке.

Не потому, что собиралась им воспользоваться. Просто держать нож оказалось легче, чем не держать.

Я придумала целый план. Как только дверь откроется — не кричать. Если войдёт один — бить снизу, под рёбра. Если войдут двое, то сразу яд.

К рассвету я разработала этот план в четырёх вариантах, продумала каждое движение и сидела, окоченевшая, с затёкшими ногами, в полной боевой готовности.

Никто не пришёл.

Рано утром дверь приоткрылась. Седой поставил на пол миску с кашей и кружку воды.

Я смотрела на кашу и чувствовала себя полной дурой.

Они остановились у ручья в полдень, мне позволили выйти.

Я вылезла, щурясь. Обнаружила, что стою на дороге в прозрачном платье среди белого дня. Золото на мне звенит при каждом движении. Я поняла, что мне нужно по нужде, а вокруг трое чужих.

Седой посмотрел на меня, то есть не совсем на меня, а примерно на уровень моего плеча, как и вчера. Сказал:

— Там.

Махнул рукой в сторону зарослей.

А потом развернулся спиной.

Все трое развернулись спинами. Не отошли, не ушли, а просто встали спиной к зарослям и смотрели на дорогу.

Я пошла в кусты. Всё это время у меня горели щёки. Я не могла понять почему.

Потом поняла.

От стыда. Не за себя. За то, что я ждала, что они будут смотреть.

Молодой принёс мне воду.

Он подошёл, протянул флягу и остался стоять, переминаясь. Я видела, что он хочет что-то сказать и не решается.

— Спасибо, — сказала я.

Он дёрнулся, как будто я его ударила.

Потом выпалил что-то длинное на своём языке, очень быстро, и убежал.

Женщина — та, которую я приняла за женщину, и теперь уже не сомневалась, — посмотрела ему вслед и сказала мне на нашем, чисто, без акцента:

— Он говорит, что ты первая, кто сказал «спасибо».

Я уставилась на неё.

— Ты говоришь на нашем.

— Говорю.

— Хорошо говоришь.

— Знаю.

Отвернулась и отошла.

К вечеру я поняла, что мне не собираются объяснять ничего.

Они ставили лагерь, молча и быстро. Седой проверял лошадей. Женщина чистила оружие. Молодого, кажется, звали Жраг, я услышала, как к нему обращались. Он готовил что-то ароматное.

Они ели у костра.

Мне принесли еду в повозку.

Я вышла с миской и села у огня, потому что в повозке было холодно, а у костра тепло. Потому что я решила, что если меня хотят убить, то пусть убивают у костра.

Разговор смолк.

Седой посмотрел на меня, вернее, снова на плечо. Потом тяжело подвинулся.

Я села.

Дальше весь вечер они молчали. Я тоже молчала, в костре трещали поленья. Но у меня сложилось отчётливое впечатление, что до моего прихода они говорили.

На третий день я не выдержала.

Мне позволили ехать снаружи. Я могла сидеть на передке рядом с седым, свесив ноги. Дорога шла вверх, ветер стал холоднее. Я куталась в плащ, из-под которого торчал край белого платья, смешной и неуместный, как праздничная лента на мертвеце.

— Почему вы молчите? — спросила я.

Он смотрел вперёд так долго, что я решила: не услышал. Или не понял.

Потом буркнул:

— Слов не изменишь судьба.

— Какую судьбу?

Он не ответил.

Я сидела рядом, смотрела на его профиль — тяжёлую челюсть, шрам от скулы вниз, седину в чёрных волосах, и чувствовала, как во мне поднимается знакомое, злое, настойчивое.

— Предыдущие невесты, — сказала я. — Что с ними случилось?

Женщина ехала верхом вровень с повозкой. Она бросила на меня быстрый взгляд.

— Умерли.

— Царь убил их?

— Нет. — Голос у неё стал резким. — Не Царь.

— Тогда кто?

Тишина.

Копыта. Скрип. Ветер в сухой траве.

Седой не повернул головы. Женщина смотрела вперёд. Жраг, ехавший сзади, уставился на свои руки с такой сосредоточенностью, будто первый раз их увидел.

Я сжала кулаки под плащом.

Они что-то скрывали. Все трое скрывали одно и то же.

Я собиралась выяснить, что именно.

Выяснять я начала не с вопросов. Вопросы они уже научились не слышать.

Я начала смотреть.

Мирабелла была права: у человека всё видно по рукам, и у орка, оказывается, тоже. Я смотрела, как они едят, как делят, кто первым берёт воду. К четвёртому дню знала о них больше, чем узнала бы за сорок вопросов.

Седого звали Громак. Он был старший не по возрасту, по чему-то другому: Жраг у него спрашивал разрешения даже на то, чтобы отойти. Он проверял мою повозку каждое утро, обходя кругом.

Женщину звали Теска. Она меня не любила. Не как врага, а как помеху: так смотрят на дождь в день, когда надо косить.

Жраг был совсем молодой. По нашим меркам лет семнадцати. Он всё время на меня смотрел, а когда я ловила его взгляд, то отворачивался так резко, что однажды чуть не слетел с лошади.

Ни один из них ни разу не посмотрел мне в лицо.

На пятый день я проверила специально. Поймала взгляд Громака и не отвела.

Он отвернулся первым.

Огромный, в шрамах, с руками, в которых моя голова поместилась бы целиком, — он отвернулся от нахальной двадцатилетней девицы в чужом плаще.

Вечером того же дня я подсела к Теске.

Она чистила клинок и даже не подняла головы.

— Можно спросить?

— Нет.

— Я всё равно спрошу.

— Знаю. — Она продолжала водить тряпкой по стали.

— Почему вы не смотрите мне в лицо?

Тряпка остановилась.

Теска прямо посмотрела на меня — впервые за пять дней. У неё были тёмные глаза с жёлтым ободком вокруг зрачка. Смотреть в них было неуютно, как в глаза большой собаке.

— Потому что смотреть в лицо, значит признать, — сказала она.

— Признать что?

— Что ты есть.

Она вернулась к клинку.

— А вы не хотите признавать.

— Громак не хочет. — Тряпка пошла вдоль лезвия. — Жраг не умеет. Я признаю.

— Поэтому ты смотришь.

— Поэтому я смотрю. — Она подняла глаза. — Поэтому ты мне не нравишься.

— За что?

— Ни за что. — Теска пожала плечами. — Ты приедешь, проживёшь, сколько проживёшь, потом умрёшь. А я буду это видеть, потому что я единственная, кто смотрит. Я бы предпочла, чтобы ты не приезжала.

Я сидела у чужого костра и не знала, что на это сказать.

— Я не собираюсь умирать.

Теска усмехнулась одним углом рта, точь-в-точь как Мирабелла.

— Они все так говорили, — только и сказала она.

Горы начались на седьмой день.

Не постепенно, а сразу, как будто кто-то поставил стену. Дорога пошла вверх по каменистой дороге, воздух стал острым. К вечеру пахло уже не травой, а холодом и мокрым гранитом.

Я мёрзла так, что не могла говорить.

Плащ не спасал. Прозрачное платье под ним было издевательством. К ночи я начала трястись по-настоящему, всем телом, не прекращая. Повозка тряслась вместе со мной.

Дверь открылась.

Громак стоял снаружи с чем-то в руках и смотрел в пол повозки.

Это оказалась рубаха. Мужская, из грубой шерсти, огромная, с чужим запахом.

— Надень, — он протянул руку с рубахой.

— Чья она?

Он молчал.

— Чья она? — повторила я.

— Моя, — Громак закрыл дверь.

Я надела.

Она доходила мне до колен и висела, как мешок. Рукава пришлось закатать трижды. От неё пахло дымом, кожей и чужим телом.

В ней было тепло.

Я сидела в темноте, в мужской шерстяной рубахе поверх свадебного платья, и думала: вот я везу убийце нож и яд, а убийца отдал мне свою рубаху, потому что я, видите ли, мёрзну.

Боги! Я совершенно ничего не понимала.

На восьмой день я спросила Жрага про рубаху.
Я подошла к нему, когда он поил лошадей. Он вздрогнул, а я сказала:
— Громак дал мне рубаху.
Он кивнул, глядя в сторону.
— У вас так принято? Давать невесте одежду?
Жраг помотал головой.
— Нет?
Он помолчал. Потом сказал медленно, подбирая слова, на нашем, очень плох

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.